

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 365–374

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 365–374

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-365-374>, EDN: BUXXJG

Научная статья

УДК 821.19-191.'04

Сюжетная символика иносказаний (на материале средневековых армянских басен)

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания; ²главный научный сотрудник Центра квантитативной филологии, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматриваются назидательные нарративы, отражающие распространенные ситуации выхода из затруднительного положения, взаимоотношения народа и власти, а также парадоксальность и непредсказуемость бытия. Проанализированы средневековые армянские басни (XII–XIII вв.). Отношение к мироустройству в назидательных текстах сводится к напоминанию о недопустимости предательства своих, к подчеркиванию взаимосвязи между причиной и следствием событий, к ответственности за свое поведение. Значимое место в аллегориях занимают нарративы об отношении к власти. В качестве персонажей в баснях фигурируют дикие и домашние животные, воплощающие в себе узнаваемые типы людей. Показано, что сильные часто бывают жестокими, но хитростью можно одолеть их и, по крайней мере, сохранить себе жизнь. Повествования об отношении к власти в целом весьма критичны. Но когда враг угрожает стране, то народ не критикует власть, а защищает свою родину. В нарративах о человеческой природе осуждаются зависть и глупость, при этом критически оцениваются не только обманщики, но их легковерные жертвы. Основные выводимые смыслы средневековых армянских басен сводятся к важнейшим этическим и утилитарным предписаниям поведения – трезво оценивать положение дел, не поддаваться легковерию, избегать тщетных попыток изменить мироустройство и сохранять верность основным принципам достойного поведения. Содержание этих притч интертекстуально пересекается с назидательными нарративами разных народов, но отличается несомненной самобытностью, которая состоит прежде всего в призыве выжить в тяжелейших условиях существования.

Ключевые слова: аллегория, средневековая армянская басня, назидание, предписание поведения, выживание

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы» «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”»).

Для цитирования: Карасик В. И. Сюжетная символика иносказаний (на материале средневековых армянских басен) // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 365–374. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-365-374>, EDN: BUXXJG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Subject plot symbolism in allegories (on the material of mediaeval Armenian fables)

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Academician Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with edifications expressed in Armenian fables of the XII–XIII centuries. These narratives describe common situations of overcoming serious difficulties, interrelations between authorities and people, and paradoxical unpredictability of existence. Three main topics presented in the narratives have been analyzed – the attitudes to the world, to authorities and to human character. The general principles of the world-view comprise loyalty to one’s own people, understanding the connection of cause and consequence, and emphasizing responsibility of one’s actions. The attitude to authorities is mainly critical. The fables show that power makes people cruel, but sober-minded shrewd people may win or at least remain alive. In times of war people should put aside their criticism and defend their country. The narratives about human nature describe envy and stupidity, and victims of fraud are not given sympathy to. The main inferences of the mediaeval Armenian fables may be summarized as fundamental ethical and utilitarian prescriptions of behavior – a realistic evaluation of complicated situations, impermissibility of credulousness, rejection of futile attempts to change the world, and loyalty to the principles of estimable life. The content of the fables reflects universal observations as expressed in similar narratives of other cultures, but has a vivid originality which manifests itself in the appeal to survive in almost unbearable circumstances.

Keywords: allegory, mediaeval Armenian fable, edification, prescription of behavior, survival

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00339 entitled “Electronic resource “Armenian text of Russian poetry” representation of local text in Russian literature”).

For citation: Karasik V. I. Subject plot symbolism in allegories (on the material of mediaeval Armenian fables). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 365–374 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-365-374>, EDN: BUXXJG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На протяжении многих веков развивался жанр иносказательных нравоучений. Назначение таких аллегорических текстов состоит в передаче подрастающим поколениям ценного опыта выживания в неблагоприятных обстоятельствах. Известно, что прямо сказанное нравоучение часто отвергается слушателями, которые считают его самоочевидным, с одной стороны, и унижающим их достоинство, с другой стороны. Учитывая это обстоятельство, воспитатели стремились сделать свои нравоучения занимательными, запоминающимися и требующими некоторых усилий для понимания. Изучение назиданий в лингвистике направлено на определение характеристик ценностной языковой картины мира [1–9].

Аллегория как способ косвенного обозначения ценностно маркированного смысла неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, обычно в качестве прототипного жанра иносказаний рассматриваются притчи [10–19]. Установлено, что основным содержанием аллегорических нравоучений является констатация правильного и неправильного поведения, при этом затруднение для их осмысления является дидактически дозированным, а их интерпретация сводится к единственному выводу. Разновидностью назидательных нарративов являются басни [20–24]. Под символом понимается ценностно насыщенный образ [25–34].

Предполагается, что сюжеты нарративных иносказаний можно разбить на определенные типы назиданий, тематически соответствующих этическим и утилитарным нормам поведения.

В качестве материала для анализа были взяты средневековые армянские басни (XII–XIII вв.)¹. Авторами этих текстов являются выдающиеся мыслители Мхитар Гош и его младший современник Вардан Айгекцский.

Отношение к мироустройству в средневековых армянских аллегориях

Приведем пример нарративного выражения главной этической нормы, содержанием которой является запрет приносить вред своим:

КУРОПАТКА И ОХОТНИК

Охотник поймал куропатку и хотел ее резать. Говорит куропатка, плача: «Не режь меня, я пригоню для тебя очень много куропаток и предам их воле твоей». И говорит ей охотник: «Сейчас ты умрешь от руки моей, ибо предаешь на смерть ближних своих и племя свое».

Поведение куропатки – это позиция трусливого предателя, который должен получить наказание. Охотник воплощает в себе коллективного носителя норм общества.

Другим выражением этой нормы является глубокое наблюдение мудрецов относительно

¹Орбели И. Басни средневековой Армении. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1956. URL: <https://facetia.ru/node/5479>

того, что источник зла рано или поздно пострадает от этого зла:

ТОПОРЫ И ДЕРЕВЬЯ

Дровосеки взяли топоры, пошли в лес и стали рубить деревья. И говорят деревья: «Что это они делают?»». А кипарис говорит: «Горе нам, братья, ибо рукоятки того, чем нас рубят, – от нас же».

Положенные в основу этой аллегории образы прослеживаются в фольклоре разных народов: *Вырос лес – выросло и топорнице (рус.), Когда сотворено было железо, трепет страха прошел по деревьям. Но железо сказала: «Не давайте рукоятки для топора – и ни одно из вас повреждено не будет» (Агада).* В приведенной басне содержится не только констатация связи между причиной и следствием, но и совет учитывать в будущем последствия своего поведения. Аналогичный вывод содержится в следующем тексте:

ГИБЕЛЬ ОРЛА

Орел летел по небу, и поразили его стрелой. Он изумился, кто это сделал. Посмотрел, увидел стрелу и на ней свое перо, и говорит: «Горе мне, ибо вот – от меня же причина моей смерти».

Здесь речь идет не о поведении человека, а о всеобщей парадоксальной взаимосвязи вещей.

Интересный аргумент относительно ограниченности зла мы видим в следующем нарративе:

БОДЛИВЫЙ БУЙВОЛ

Буйвол пожелал забодать своего хозяина, но не смог, и роптал на бога: «Он рога мои сделал не прямыми, а развернутыми». А хозяин, отвечая, сказал: «Бог знал твой дурной нрав, ради того и придумал так вырастить тебе рога».

Из этой притчи вытекает вывод о том, что в мире есть высшая сила, препятствующая распространению зла. Этот оптимистический вывод может вызвать возражение наших современников, но он соответствует общей установке видеть смысл в жизни. Сравним: *Бодливой корове бог рог не дает (рус.).*

Заслуживает внимания сказание о том, что причиной большого зла может быть малое происшествие:

КАПЛЯ МЕДУ

Была у человека лавка и продавал он мед. Упала на землю одна капля меду, и села на нее оса, а кот прибежал и схватил осу,

а за ним погнался пес и схватил кота, а хозяин лавки ударил пса и убил его. Поблизости от этой деревни была другая, и пес был из той деревни. Как узнал хозяин пса, что лавочник его убил, прибежал и убил лавочника. Тут поднялись крестьяне обеих деревень и начали между собой великую войну, и произошло такое побоище, что остался в живых всего лишь один человек. И всё это – из-за одной капли меду.

Этот сюжет соответствует английскому фольклорному стихотворению, блестяще переведенному С. Маршаком:

For want of a nail the shoe was lost, For want of a shoe the horse was lost, For want of a horse the rider was lost, For want of a rider the battle was lost, For want of a battle the kingdom was lost, And all for the want of horseshoe nail.

ГВОЗДЬ И ПОДКОВА

Не было гвоздя – Подкова пропала. Не было подковы – Лошадь захромала. Лошадь захромала – Командир убит. Конница разбита – Армия бежит. Враг вступает в город, Пленных не щадя, Оттого, что в кузнице Не было гвоздя.

Интересно, что близкий смысл о значимой мелочи в развитии событий мы находим в сюжете фантастического рассказа Р. Брэдли о путешествии в прошлое: герой раздавил бабочку, и вся история на Земле изменилась. Назидательный смысл приведенных притч характеризует историю человечества в целом.

Заслуживает внимания призыв мудреца видеть ситуации в их развитии:

БАБОЧКИ

Бабочки, пока они порхают в воздухе, не приносят никакого вреда, но, спустившись на землю, рожают гусениц, разорителей страны.

Не все могут вовремя определить грядущую опасность, тем более, если она эстетически привлекательна.

В баснях остро осуждается претенциозное поведение:

ОСЕЛ В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ

Был осел, а прикинулся львом, ибо накиннул на себя львиную шкуру и издали наводил страх и даже обратил в бегство стада коров и отары овец. А когда подул сильный ветер и сорвал с него львиную шкуру, обман его стали обличать, и все приложились к нему, – одни стегали, другие били его. Ибо то был осел, а перед всеми прикидывался львом.

Мы видим, что рано или поздно обман будет раскрыт. Стремление выглядеть значительнее других вызывает осуждение, комплекс превосходства психологически свидетельствует о неадекватности мировосприятия, этически

это принижение других людей, в утилитарном плане это – ошибочное поведение, таких людей презируют. Строго осуждается и шарлатанство – обман, в основе которого лежит стремление получить выгоду, выдавая себя за специалиста:

ЛЯГУШКА-ВРАЧ

Лягушка навесила на себя ступку и банку для мази, бродила всюду и говорила: «Я врач, ученый, и от всех болезней я знаю лекарство». И собрались к ней все животные для лечения. Пришла лиса и, увидев этого врача, говорит: «Ты сама вся, от головы до пят, в бородавках и прыщах, а других врачуешь».

Заметим, что в этой басне осуждается не только лягушка, но и все животные, которые собрались для лечения. Мы видим совет: не следует быть легковерным. Различные мошенники были и будут обманывать людей, и мошенничество наказывается, но не так строго, как нам порой хочется. Причина такого положения дел – требование быть умным и внимательным. В этом нарративе разоблачителем выступает лиса, обычно изображаемая в фольклоре как хитрое животное.

Отношение к власти в средневековых армянских аллегориях

Тема равенства и неравенства всегда волновала людей:

ЛЬВИЦА И ЛИСИЦА

Львица родила львенка, и собрались все животные, чтобы повидать его и принять участие в празднестве. Приходит лиса и во время торжества, среди всего этого собрания, громко упрекнула львицу и поносила ее: «В этом ли твоя мощь, что рождаешь одного детеныша, а не многих?». Львица спокойно ответила: «Да, я рожая одного детеныша, но рожая льва, а не лисицу, как ты».

В этой притче наглядно показано, что качество важнее количества. Эта идея весьма актуальна и для нашего времени.

Фольклорная лиса способна учиться на чужом опыте:

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА

Лев, волк и лисица побратались и, выйдя на охоту, нашли барана, овцу и ягненка. Говорит лев волку, испытывая его: «Раздели этих животных между нами». И говорит ему волк: «О царь, это сам бог разделит: баран тебе, овца – мне, а ягненок – лисе». Лев рассердился, дал пощечину волку, и выскочили у того глаза, и, присев, он горько плакал.

И говорит лев лисе: «Раздели этих животных между нами». Говорит лиса: «О царь, это сам бог разделит: баран – тебе на обед, овца – тебе на завтрак, а ягненок – тебе на ужин». И спросил лев: «О жалкая плутовка, кто тебя научил этому справедливому разделу?». Говорит лиса: «Глаза волка, что выскочили наружу, научили меня».

В этой горькой притче несколько уровней назидания. Сначала мы видим, что первый персонаж стремится справедливо разделить ресурсы, затем царь наказывает его, наконец хитрый участник этого действия говорит то, что хочет услышать хозяин положения. Первый вывод – нет смысла бороться с противником, который превосходит тебя по силам. Второй вывод – надо уметь выкручиваться из сложной ситуации. Конечно, хитрая лиса в этой басне – не пример для подражания. Не случайно лев называет лису жалкой плутовкой. Но важен третий вывод – учиться на чужом опыте лучше, чем на своем.

Впечатляет аргументация лисы в следующей притче:

ЛИСА И СОБАКИ

Спросили лисицу: «Сколько ты знаешь различных уловок?». И говорит лиса: «Сто различных уловок хвостом я применяю перед собакой. Но самая высшая моя уловка в том, чтобы ни я не видала собаки, ни собака меня».

Этот текст соответствует известному анонимному изречению: *В чем разница между умным и мудрым? Умный может найти выход из безвыходной ситуации, а мудрый в нее не попадет.*

Лиса в этих средневековых притчах часто выступает своеобразным носителем житейских истин:

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Лев заболел, и звери спешили его проведать. Лиса запоздала, и медведь стал на нее наговаривать льву, а друзья сказали ей. Говорит лев: «Не в добрый час ты, дрянь, пришла, скажи, почему опоздала?», «Не гневайся, добрый царь, ибо, клянусь тобою, радея о здоровье твоём, посетила многих лучших врачей и узнала лекарство». И говорит лев: «Добро пожаловать, умница, что же это за лекарство?». – «Оно очень доступно и полезно! Врачи сказали: Шкуру с медведя сдерите, и, еще теплую, набросьте на льва, и тотчас боль вытянет». Лев повелел, схватили медведя, стали сдирать шкуру. Он выл, ревел, а лиса говорит: «Вот тебе, да и всем, кто, войдя во дворец, будет на Другого наговаривать».

Мы видим, что мудрец призывает признать власть царя, каким бы жестоким ни был правитель. Показательны обращения льва к лисе: сначала «дрянь», и затем «умница». Лиса сурово наказывает медведя. Мораль этой басни выражена предельно прямолинейно – не следует наговаривать на других.

Попытка освободиться от притеснений часто бывает тщетной:

СТРОПТИВЫЙ КОНЬ

Закинулся конь, не пожелал повиноваться всаднику и ускакал. И пока он блуждал, встретился ему лев, а когда он убежал от льва, повстречался медведь, а спасшись от него, конь наткнулся на волка и других подобных. И, смирившись, он возвращается к хозяину, покоряясь не ради корма, а чтобы избавиться от лютой смерти.

Мы видим, что этот персонаж смиряется со своей участью. Вероятно, такой призыв вызывает протест у многих наших современников, для которых свобода является высшей ценностью. Эта тема была очень актуальной для авторов этих басен:

ВОЛ

Вол убежал из-под ярма плуга и, будучи пойман землепашцем, был приведен на гумно, сбежав от него, был запряжен в арбу, а сбежав и от нее, – использован на многие работы, пока не убедился в невозможности бегства и, примирившись, забыл думать о нем.

Вол в этом тексте, как и строптивый конь в предыдущем, символизирует тех, кто занимает нижнюю ступень на социальной лестнице. Мудрец констатирует, что изменить несправедливое мироустройство невозможно. Вероятно, такой призыв к смирению и терпению был обусловлен как принципами патриархального порядка вещей, так и стремлением отговорить простых людей от бессмысленных и тщетных попыток восстать против такого порядка.

Заставляет задуматься следующая горькая притча:

ВДОВА И КНЯЗЬ

Был один князь, очень злой и нечестивый. Жила в том же городе вдова, и князь, требуя податей, притеснял ее, а вдова молилась, чтобы бог хранил князя от напастей. Пошли, сказали князю: «В ответ на твое зло вдова за тебя молится!». Пришел князь и сказал: «Я тебе не делал добра, почему же ты молишься за меня!». Она сказала: «Твой отец был дурной человек, я его прокллинала, и он умер; ты сел на его место, а ты еще злее

его; я боюсь, что если умрешь, твой сын будет еще злее тебя».

Этот сюжет правдиво отражает развитие многих событий в прошлом и в наши дни.

Особенность цитируемых притч состоит в их трезвой оценке реальности:

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Собрались однажды тридцать зайцев, посоветались и сказали: «Давайте пойдём все вместе, кинемся в море, чтобы избавиться от этой горькой жизни; слишком уж слабыми создал нас бог, звери ли, птицы ли, все едят нас; лучше нам умереть, чем жить такой жизнью». Когда они бежали к морю, увидели множество лягушек, и, подняв крик, лягушки ускакали, попрыгали в воду и притаились. И, увидев еще более слабых, чем они сами, зайцы возблагодарили бога.

Действительно, какой бы трудной ни казалась нам наша жизнь, всегда есть те, кому хуже.

Вместе с тем в притчах можно найти сюжет, который противоречит обыденной логике смирения и трезвого расчета:

ДОБЛЕСТНЫЙ ВОИН

Один мудрый воин, хромой на обе ноги, шел на войну, и кто-то из воинов говорит ему: «О несчастный, достойный плача, куда ты идешь? Тебя сейчас же убьют, так как ты не можешь убежать!». А он сказал: «Брат, на войне надлежит не пускаться в бегство, а стоять, сражаться и победить».

Хромой воин, несомненно, понимает, что вряд ли уцелеет в бою. Но долг чести предписывает ему идти на войну. И хотя гибель неизбежна, его подвиг не будет напрасным, подобно тому, как в памяти человечества сохранились те 300 спартанцев, которые вступили в бой с огромной армией и спасли свой народ.

Отношение к человеческой природе в средневековых армянских аллегориях

Зависть лежит в основе многих грехов и преступлений:

ЗАВИСТНИК

Знал некий царь о своих воинах, что они втайне питают зависть друг к другу. И говорит царь одному из них: «Проси у меня какого хочешь возвеличения, чтоб я тебе воздал, но с тем, что твоему товарищу я дам вдвойне по сравнению с тобой». Говорит тот в мыслях своих: «Если я попрошу себе какого-либо блага, то он тому даст вдвойне!». И говорит царю: «Выколи мне один глаз!». Это – чтобы другому он выколол оба.

Этот сюжет повторяется в фольклоре разных народов. Вывод ясен: завистник, желая зла другому, наказывает себя в первую очередь.

Сурово осуждается глупость:

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Волки, отправив к овцам послов, говорят: «Причина непрестанных войн и упорной распри между вами и нами – собаки, ибо раздражают они нас и возбуждают против воли нашей вражду; но если они будут изъяты, то наступит мир между вами и нами и зла от нас больше не будет!». Согласились овцы, ибо они неразумны, и отвергли песью стражу, а волки, найдя их без собак, набросились и всех истребили.

У этой притчи есть несомненный политический смысл: не могут овцы жить без стражи. И не всегда в стаде есть опытный баран, который даёт мудрый совет.

Весьма важным следует признать вывод, вытекающий из следующей басни:

ПАВЛИН И ГОЛУБЬ

Собрались птицы, избрали павлина, ради красоты его, и помазали царем. Приходит голубь и говорит: «Добрый царь, если будут притеснять нас орлы, какую ты можешь дать нам помощь?».

От руководителя требуется прежде всего сила.

Оправдание несовершенства мира, в котором мы живем, не способствует радости. Но другого мира нет:

ВЕРБЛЮЖОНОК И ОСЛИК

Верблюжонок и осленок плакали и говорили своим родителям: «Горе нам голодным, снедает нас зависть: свинкам дают много ячменя, а нас прочь отгоняют». А их родители говорят: «Потерпите, придет время, когда вы их пожалеете». Настало зимнее время, стали колоть свиней. Осленок и верблюжонок услышали ужасный визг, дрожь охватила их, спросили они родителей: «Чего они визжат?». Родители повели их и показали им освежеванных свиней, а они подняли свои копыта и говорят: «Ой, посмотрите, не пристало ли хотя бы зернышко ячменя к нашим ногам, и, если пристало, снимите».

Дети, как можно видеть, оказались смысленными и сделали правильные выводы.

Распространенным сюжетом в назиданиях является нарратив, в котором показано, что нельзя терять бдительность и отказываться от своего права на защиту:

ЕЖ И ХОМЯК

Хомяк убеждал ежа: «Сына я твоего возьму на воспитание, и будем мы друзьями». А когда еж, после долгих уговоров, согласился, хомяк сказал: «Трудно его целовать, так сними же с него иголки, чтобы можно было его ласкать». И, поддавшись обману, еж сделал это, а когда отдал хомяку своего сына, тот сожрал ежика, и ничего уже нельзя было поделать. И ушел еж в великом горе.

Мы осуждаем хомяка, который обманул ежа, но и ёж достоин осуждения за то, что поддавался обману.

Распространенным заблуждением является отождествление слов и дел. Весьма точно подобная ситуация показана в следующей басне:

ОВЦЫ И ВОЛК

Поднялся волк на гору и, увидев у подножья отару овец, сказал: «Мир вам!». А старейший баран говорит товарищам: «Братья, хотя и благовествуют нам мир, но – спасайтесь, кто и как может!».

Обратим внимание на то, что призыв к стаду обращает старейший баран. Действительно, мудрость приходит с опытом.

Глупость часто связана с гордыней:

ПЕТУХИ

Два петуха дрались на улице, и один победил другого. Возгордившись, он взлетел, взобрался на высокую кровлю, стал там надменно расхаживать, петь и топорщиться по случаю своей победы, гордясь ею. Но вдруг налетел орел, подхватил его и унес в небеса.

В приведенной басне четко выражен призыв к скромности.

Иногда мудрец чуть заметно улыбается, поведывая о человеческой природе:

ПЕТУХ И ЦАРЬ

Принесли петуха во дворец, чтобы пел по ночам. Царь, увидев петуха, сказал: «Все, что тебе нужно, я тебе дам, а ты пребудь чистым во дворце». Увидел царь, что петух ходил и копался во всякой грязи ногами и клювом, и говорит: «Глупец, разве я тебе не сказал: «чистым пребудь», а ты постоянно копаешься в навозе и во дворце топчешься и пачкаешь». А тот говорит: «Трудно бывает оставить привычное дело».

Отсюда следует, что нужно реалистически оценивать людей и не ждать от них безупречного поведения. Близкий выводной смысл содержится в следующей басне:

ВОЛЧОНОК И АЗБУКА

Поймали однажды волчонка, написали буквы и велели ему читать. И говорят: «Скажи Аз», а он: «Агнец». Говорят: «Скажи Буки»,

а он: «Баран». Говорят: «Скажи Глаголь», а он: «Гусь». Говорят: «Скажи Добро», а он: «Добыча». Говорят: «Скажи ЕСТЬ», а он отвечает: «Если не поспешу, пройдет стадо, и не догнать будет».

Волчонок ведет себя в соответствии со своей природой.

Обратим внимание на интересный вывод о проверке соображения:

УМНЫЕ ВОРОНЯТА

Ворона собрала воронят и поучала их, говоря: «Дети мои, будьте осмотрительны, остерегайтесь человека и особенно, когда он наклоняется, чтобы поднять камень». И спрашивают ее птенцы: «Матушка, а что нам делать, если человек заранее взял камень в руку?». Мать ответила: «Ну, теперь я знаю, что вы не пропадете».

Птенцы, как можно заметить, готовы к жизни. Критерием такой готовности является их вопрос, развивающий назидание.

Интересно назидание о бессмысленности неуместных аргументов:

СОКОЛ И ГОЛУБЬ

Сокол погнался за голубем, и тот возопил: «Я ведь дар господу, не причиняй мне вреда!». А сокол ему говорит: «Дар господу пусть будет на престоле у господа, а не мотается здесь в воздухе!». И, поразив, съел его.

Не следует думать, что хищник прислушается к упоминанию о высоких материях.

Нарративы в средневековых армянских притчах интертекстуально пересекаются по своей тематике с вечными сюжетами о том, как слабому удается перехитрить сильного:

ВОЛК И ЯГНЕНОК

Был в хлеву прелестный ягненок, вот забрался волк и схватил его, чтобы съесть. А тот упал ему в ноги и говорит: «Бог отдал меня во власть тебе, так помилуй меня и сначала сыграй на своей трубе, чтобы я послушал и исполнилось мое желание; ибо слышал я от отцов моих, что волчий род – великие трубачи». А тот поверил этим нелепым словам, присел и во всю глотку завывал, и вот проснулись собаки и искусали его. И убежал он, а выбравшись оттуда, присел на холме, плача и бия себя, и говорил: «Достоин я этой напасти: ну кто же сделал меня трубачом, ведь я же всегда был мясником и сыном мясника».

Волк и ягненок – традиционные образы хищника и жертвы. И хотя мы знаем, что обычно хищник пожирает свою добычу, хочется увидеть иное развитие событий. Вывод

ясен: слабому нужно быть умным, чтобы выжить. Аналогичный сюжет прослеживается и в китайской культуре: обезьяне удалось стративить двух свирепых тигров, и она наблюдает за их схваткой, сидя на дереве. Такие приемы, именуемые стратагемами, с древних времен использовались в военной и политической практике. Обратим внимание на самокритику волка, он тоже сделал для себя нужные выводы.

В цитируемых баснях можно увидеть искреннее сочувствие к тем, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы:

ОСЕЛ НА СВАДЬБЕ

Осла почтили и пригласили его на свадьбу царского сына. И говорит осел: «Я не музыкант и не мастер плясать, а потому – горе мне: знаю я, что тяжелый вьюк припасен для меня, или же нужно воды натаскать для свадьбы».

Этот персонаж не питает иллюзий в связи с приятным предстоящим событием. Он трезво оценивает свои перспективы.

Интересен текст, в котором показано решение весьма актуальной этической проблемы – следует ли наказывать за причиненный вред того, кто слишком мал:

БЛОХА И ЦАРЕВИЧ

Один царевич был ужасно измучен блохой и искусно поймал ее. Блоха говорит: «Молю, не убивай меня, ибо так мал тот вред, который я тебе причинила». А тот говорит: «Все, что в твоих силах, – ты сделала!».

Вывод ясен – блоху нужно раздавить.

В книге басен есть текст, который допускает неоднозначное толкование:

ПТИЦА И КОНЬ

У индийского царя была птица, сносившая, как яйца, жемчуг и драгоценные камни. Услыхал об этом греческий царь и пожелал ее иметь; отправил послов и просил ее себе. Тот дал, но со своей стороны попросил себе его коня, быстротой превосходившего птиц. Хотя были тяжелы эти взаимные просьбы, оба тотчас их выполнили. Но птица, прибыв в Грецию, стала сносить яйца, подобно другим птицам, а конь, достигнув Индии, захромал и вовсе не стал скакать. Царь индийский возвращает коня с резкими укорами, и, точно так же возмущенно отсылают назад птицу. А конь и птица, возвратившись на свое место, стали такими же, как и прежде.

Мы стремимся изменить обстоятельства, вторгаемся в природу и думаем, что подчиняем ее себе. Но, по словам Ф. Энгельса,

природа мстит нам за каждую одержанную над ней победу. И вернуть ситуацию в прежнее состояние, перезагрузив ее, в реальной жизни невозможно. Понятно, что люди меняют реальность. Но всегда следует учитывать, какова цена, которую приходится за это платить.

Заключение

Назначение иносказания – изложить название в форме, требующей некоторых усилий для понимания. По своей тематике такие нарративы отражают распространенные ситуации выхода из затруднительного положения, отношения между народом и властью, а также парадоксальность и непредсказуемость бытия. Отношение к мироустройству в проанализированных назидательных текстах сводится к напоминанию о недопустимости предательства своих, к подчеркиванию взаимосвязи между причиной и следствием событий, к ответственности за свое поведение. Значимое место

в аллегориях занимают нарративы об отношении к власти. Показано, что сильные часто бывают жестокими, но хитростью можно одолеть их и, по крайней мере, сохранить себе жизнь. Повествования об отношении к власти в целом весьма пессимистичны. В нарративах о человеческой природе осуждаются зависть и глупость, но при этом критически оцениваются не только обманщики, но их легковверные жертвы. Мудрецы, составившие свод таких басен, стремились убедить своих слушателей в необходимости трезво оценивать положение дел, не поддаваться легковверию, избегать тщетных попыток изменить мироустройство и сохранять верность основным принципам достойного поведения. Содержание средневековых армянских басен интертекстуально пересекается с назидательными нарративами разных народов, но отличается несомненной самобытностью, которая состоит прежде всего в призыве выжить в тяжелейших условиях существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушенко В. Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / под ред. А. А. Грицанова. М. : АСТ ; Минск : Харвест ; Современный литератор, 2002. С. 21–23.
2. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
3. Губман Б. Л. Ценности // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб. : Университетская книга, 1998. С. 342–343.
4. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
5. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
6. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.
7. Микешина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
8. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York : The Free Press, 1973. 438 p.
9. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
10. Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М. : Советская Энциклопедия, 1964. С. 20–21.
11. Грасс Е. П. Аллегорический смысл в обиходном, художественном и религиозном типах дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.
12. Данилова Т. В. Архетипические корни притчи // Рациональность и семиотика дискурса. Киев : Наукова думка, 1994. С. 59–73.
13. Кушнарёва Л. И. Притча как жанр // Язык. Этнос. Сознание : материалы междунар. науч. конф. (24–25 апреля 2003 г.) / гл. ред. С. К. Беданова : в 2 т. Майкоп : Адыг. гос. ун-т, 2003. Т. 2. С. 205–208.
14. Михайлова М. Символ, аллегория, притча: На пути художественного познания мира // Знамя. 1966. № 11. С. 213–229.
15. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Притча как средство инициации живого знания // Философские науки. 1989. № 9. С. 101–104.
16. Пихтовникова Л. С. Притча как жанр и как тип текста: проблема дефиниции // Нова філологія. 2001. № 2(11). С. 216–224.
17. Товстенко О. О. Специфика притчи как жанра художественного творчества: Притча как архетипическая форма литературы // Вестн. Киев. университета: Романо-германская филология. 1989. Вып. 23. С. 121–124.
18. Тумина Л. Е. Притча как школа красноречия: учебное пособие. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 368 с.
19. Тюпа В. И. Грани и границы притчи // Традиция и литературный процесс / отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1999. С. 381–387.
20. Битарова М. М. Становление и развитие жанра басни в осетинской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2010. 22 с.
21. Микова С. С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни: диахронический аспект исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 16 с.
22. Полуянова Л. Н. Лингвостилистические особенности текста басни (на материале англоязычной литературной басни) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с.
23. Рудов М. А. Пути развития жанра басни в советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1964. 23 с.
24. Холматов Ш. К. История и поэтика жанра басни в литературах народов Средней Азии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1991. 48 с.
25. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 607–608.

26. Барляева Е. А. Символические смыслы в англоязычной лингвокультуре : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012. 40 с.

27. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. Искусство, 1995. 320 с.

28. Лотман Ю. М. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т. 2 / сост. Е. В. Пермяков. М. : Издательство РГГУ, 1997. С. 416–423.

29. Пророков М. В. Категория художественного образа и проблема символа // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1987. № 4. С. 39–47.

30. Пэн Вэньцзяо. Символы текста и текст символа – о построении и интерпретации символики художественного текста: монография. М. : МАКС Пресс, 2016. 120 с.

31. Радионова С. А. Символ // Всемирная энциклопедия : Философия XX век. М. : АСТ ; Минск : Харвест ; Современный литератор, 2002. С. 674–675.

32. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 128 с.

33. Шейкин А. Г. Символ // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М. : РОССПЭН, 2007. С. 457–458.

34. Шелестюк Е. В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.

REFERENCES

1. Abushenko V. L. Axiology. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek. Pod red. A. A. Gritsanova* [Gritsanov A. A., ed. The World Encyclopedia: Philosophy XX century]. Moscow, AST, Minsk, Harvest, *Sovremennyy literator*, 2002, pp. 21–23 (in Russian).

2. Vorkachev S. G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta : monografiya* [Implementation of Meaning: Conceptualia Selecta : A Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).

3. Gubman B. L. Values. In: *Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya. T. 2* [Culturology. XX Century. Encyclopedia. Vol. 2]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998, pp. 342–343 (in Russian).

4. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian Culture: The category of Personality in Lexis and Pragmatics]. Moscow, Global Com, 2013. 336 p. (in Russian).

5. Zinchenko V. P. Values in the structure of consciousness. *Journal of Philosophy*, 2011, no. 8, pp. 85–97 (in Russian).

6. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [A Philosophical Theory of Value]. Saint Petersburg, Petropolis, 1997. 205 p. (in Russian).

7. Mikeshina L. A. A modern development of the notion “value”. *Values and Meanings*, 2009, no. 1, pp. 6–17 (in Russian).

8. Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York, The Free Press, 1973. 438 p.

9. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, vol. 25, pp. 1–65.

10. Averintsev S. S. Parable. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. T. 6* [Concise Literary Encyclopedia.

Vol. 6]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1964, pp. 20–21 (in Russian).

11. Grass E. P. *Allegoric meaning in everyday, artistic and religious types of discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2012. 22 p. (in Russian).

12. Danilova T. V. Archetype roots of a parable. In: *Ratsional'nost' i semiotika diskursa* [Rationality and Semiotics of Discourse]. Kiev, Naukova dumka, 1994, pp. 59–73 (in Russian).

13. Kushnareva L. I. Parable as a genre. In: *Yazyk. Etnos. Soznanie: materialy mezhdunar. nauch. konf. : v 2 t. Gl. red. S. K. Bedanokova* [Bedanokova S. K., ch. ed. Language Ethnicity. Consciousness: Materials of International scientific conference : in 2 vols.]. Majkop, Adyghe State University Publ., 2003, vol. 2, pp. 205–208 (in Russian).

14. Mihajlova M. Symbol, allegory, parable: Approaching artistic cognition of the world. *Znamya* [Banner], 1966, no. 11, pp. 213–229 (in Russian).

15. Muskhelishvili N. L., Shrejder Yu. A. Parable as an instrument of initiation of a living knowledge. *Philosophical Sciences*, 1989, no. 9, pp. 101–104 (in Russian).

16. Pikhovnikova L. S. Parable as a genre and a text type: The problem of definition. *New Philology*, 2011, no. 2 (11), pp. 216–224 (in Russian).

17. Tovstenko O. O. Specificity of a parable as a genre of artistic creativity: A parable as an archetype form of literature. *Journal of Kiev University: Romaic and Germanic Philology*, 1989, no. 23, pp. 121–124 (in Russian).

18. Tumina L. E. *Pritcha kak shkola krasnorechiya: uchebnoe posobie* [Parable as a school of Rhetoric: A manual]. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2008. 368 p. (in Russian).

19. Tyupa V. I. Facets and borders of parable. In: *Traditsiya i literaturnyj protsess. Otv. red. A. B. Sortiev* [Sortiev A. B., ch. ed. Tradition and Literary Process]. Novosibirsk, Sibir Section of Russian Academy of Sciences Publ., 1999, pp. 381–387 (in Russian).

20. Bitarova M. M. *Formastion and development of the genre “parable” in Ossetian literature*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vladikavkaz, 2010. 22 p. (in Russian).

21. Mikova S. S. *Linguistic means of expression of cultural information in the text of Russian parable: A diachronic aspect of investigation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 16 p. (in Russian).

22. Poluyanova L. N. *Linguostylistic peculiarities of the text of parable (on the material of English literary parable)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2001. 24 p. (in Russian).

23. Rudov M. A. *Directions of the development of a genre “parable” in the Soviet literature*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Alma-Ata, 1964. 23 p. (in Russian).

24. Holmatov Sh. K. *History and Poetics of the genre fable in the literature of the peoples of Middle Asia*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Tashkent, 1991. 48 p. (in Russian).

25. Averintsev S. S. Symbol. In: *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1983, pp. 607–608 (in Russian).

26. Barlyayeva E. A. *Symbolic meanings in English Language and Culture*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2012. 40 p. (in Russian).

27. Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo, 1995. 320 p. (in Russian).

28. Lotman Yu. M. Between an emblem and a symbol. In: *Lotmanovskij sbornik. T. 2. Sost. E. V. Permyakov* [Permyakov E. V., comp. Lotman Collection of Articles. Vol. 2]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997, pp. 416–423 (in Russian).

29. Prorokov M. V. A category of artistic image and a problem of symbol. *Journal of Moscow University. Ser. 9. Filologiya*, 1987, no. 4, pp. 39–47 (in Russian).

30. Peng Wengzhao. *Simvoly teksta i tekst simvola – o postroenii i interpretatsii simvoliki hudozhestvennogo teksta: monografiya* [Symbols of text and a text of symbol – on composition and interpretation of the artistic text symbolism]. Moscow, MAKS Press, 2016. 120 p. (in Russian).

31. Radionova S. A. Symbol. In: *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX vek* [The World Encyclopedia.

XX century]. Moscow, AST, Minsk, Harvest, Sovremennyy literator, 2002, pp. 674–675 (in Russian).

32. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From a text to a symbol: Linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Academia, 2000. 128 p. (in Russian).

33. Shejkin A. G. Symbol. In: *Kul'turologiya. Entsiklopediya : v 2 t.* [Culturology. Encyclopedia : in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN, 2007, pp. 457–458 (in Russian).

34. Shelestyuk E. V. *Semantics of artistic image and symbol (on the material of English poetry of the XX century)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 1998. 24 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 03.02.2023
The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 03.02.2023